

УДК 316

Паттерн детства как ориентир обеспечения защиты детей от вредной информации**Полянина А.К.**

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин
Самарского государственного университета путей сообщения

Статья посвящена исследованию значения паттерна детства при обеспечении информационной безопасности детей. Автором описывается природа информационной безопасности детей и управления её обеспечением через концепцию социального порядка и социализационную теорию. В качестве важнейшей категории, определяющей ориентиры социальной защиты детства и защиты детей от вредной информации, в частности, берётся сложившийся в обществе паттерн детства. Исследуется генезис представлений о детстве как особой социальной группе. Указывается деструктивное действие информационных аномалий в информационно-коммуникативном пространстве ребёнка. Постоянная модификация угроз, связанная с интенсификацией трансляции девиантных стандартов и моделей поведения, опосредуется коммерциализацией медиаиндустрии.

Ключевые слова: информационная безопасность детей, запрещённая информация, информационная политика, паттерн детства, национальная безопасность

Социальная безопасность, включая информационную безопасность, гарантируется государством. Обеспечение защиты от информации «слаборесурсных групп» [1], детей достигается реализацией охранительных мер органами государственной власти [2].

Информационная безопасность представляется мерой устойчивости социального порядка в условиях интенсификации информационных потоков [3]. Технологически обеспечение информационной безопасности детей входит в систему социальной защиты детей, как обладающей соответствующим функционалом и структурой, комплексом социальных институтов, организаций и практик, обеспечивающих сохранение и развитие детства, поддержание безопасной социальной среды на макро-, мезо- и микросоциальном уровне [4]. Прикладной смысл управления информационной безопасностью выражен в деятельности учреждений и организаций, уполномоченных реализовывать меры защиты, социального вспомоществования и страхования, а также поддержания жизнедеятельности ребёнка, его индивидуальной и социальной субъектности через распределение «социальных ресурсов доступ-

ного фонда» в случае «наступлении травмирующей ситуации» для её нейтрализации [5, с. 33].

Механизм гарантирования защиты детей от информации с учётом дефиниций Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» может быть представлен следующим образом. Объектом защиты выступает здоровье и развитие детей, субъектом защиты – агент социальной защиты (органы социальной защиты) как институционализированный субъект, а также внеинституциональные образования в формах гражданской активности и семьи (родителей и лиц, их заменяющих). Цель защиты заключается в создании состояния защищённости от информационных угроз (информационное благополучие), а метод – в комплексе специфических технологий, приемов, способов.

Целью социальной защиты детства выступает повышение «качества детства», благополучие детей, включая их физическое и психическое здоровье. Определение критериев благополучия ребёнка зависит от принятого в обществе паттерна детства, то есть совокупности социальных представ-

лений о детской группе, *ориентирующих социальную политику в отношении детей и технологию их защиты*. Паттерн детства есть одновременно и заданная перспектива развития общества и потому имеет глобальный смысл. Паттерн детства направляет *информационную политику в отношении детей, определяет принципы обеспечения информационной безопасности детей* и прежде всего *принцип возрастной периодизации*.

Феномен детства

Осмысление феномена детства как значимого периода жизни человека осуществлялось ещё мыслителями античности – Фалесом, Анаксимандром, Гераклитом, Эпикуром, Сенекой, Плутархом. Аристотель является автором первой возрастной периодизации, Платон считал необходимым предварительное цензурирование литературы. Изучение детства было продолжено философами Нового времени, а Томас Гоббс впервые предложил рассматривать детство в контексте семейной иерархии как миниатюру политической власти, где социальный статус детства выполняет функцию поддержания общественного порядка.

Философское осмысление феномена детства связано с вопросами свободы воли ребёнка (И. Кант), метафизической сущности архетипа ребёнка как символа начала жизни человека и воспроизводства бытия, живущего в глубинах коллективного бессознательного, символа «будущности», сверхважной онтологической функции (К. Юнг), образа детства как субстанции «всеобщечеловеческого», «необременённого идолами сознания» (С. Кьеркегор), фактом рождения (натальности или рождённости) как чистой потенции Нового, субъектности и призвания (Аренд) [6]. Детство выступает предметом педагогики, психологии и медицины как исключительно важный этап жизни. Изучение психических закономерностей развития ребёнка считается «ключом к детству» и даже к интерпретации движущих сил онтогенеза. В целом исследователи делятся на два лагеря, представители которых по-разному смотрят на доминирующий фактор онтогенеза: среду и наследственность, биологические и социальные условия.

С точки зрения защиты детей от информации представляют интерес феноменологические подходы к детству и принципы: содействия сохранению устойчивости конструктов детской психики и их развитие, преодоления естественных возрастных кризисов – эгоцентризма и подчинение принципу реальности; периодизации психического развития (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин); признания культурно-исторической обусловленности развития высших психических функций; движения ребёнка к нравственному идеалу развития, олицетворяемому примером взрослого (Аристотель, Я.А. Коменский, Дж. Локк); достижения задач гражданского воспитания (Г. Кершенштейнер);

приобщения к творчеству и труду (Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский).

Основатели принципов возрастной периодизации развития не подвергали сомнению факт возрастных различий во взаимодействии ребёнка и окружающего мира и необходимость прогрессивной динамики, где каждый следующий период основывается на достижениях предыдущего. Задача педагогики есть такое воздействие на ребёнка, которое имеет целью формирование социально одобряемых качеств, передачу опыта старшего поколения младшему и соответствующую иерархию. При этом сама категория поколения выступает важнейшей во всей педагогической парадигме. Возрастная периодизация психического развития является *принципом дифференциации мер защиты детей от информации* и прежде всего законодательно установленной возрастной *категоризации информационной продукции*.

Реализация мер защиты детей от информации предполагает воздействие на средовые факторы развития ребёнка при учёте индивидуально-биогенетических. Существование физиологических универсалий, присущих всем детям определённого возраста независимо от историко-культурных и социально-культурных особенностей, географического контекста, выступает основой возрастной периодизации вреда от информации. Набор данных универсалий ограничен и определён уникальным сочетанием эндогенных и экзогенных факторов физиологического развития организма человека. Однако принцип возрастных различий и факт популяционного стандарта как нормы развития, определяемой на основе интегральной оценки ровесников, антропологической выборки или популяции (В.Г. Властовский, О.М. Павловский) [7; 8] есть предмет критики нормативности возрастной периодизации со стороны новых подходов к пониманию детства.

Крайние формы отклонения от популяционного стандарта действительно предстают фактором риска в отношении как биологического, так и психического развития и проявляются в дизонтогенезе, нарушениях индивидуального развития вследствие первичного (биологического) или вторичного (социального) дефекта и даже третичного дефекта в виде аномалий в эмоционально-волевой сфере (В.В. Лебединский, Л.С. Выготский). Исследователи в области возрастной антропологии утверждают, что уникальность онтогенетического развития каждого человека определяется степенью индивидуальной чувствительности к эндо- и экзогенным воздействиям и половым диморфизмом. Однако стандарт возрастного развития как ориентира возрастной периодизации в педиатрии, педагогике, психологии не отменяется.

Генезис социокультурной жизни в направлении постмодерна обозначил появление дискуссий и кри-

тики концепций социализации, противопоставивших ей так называемую интерсекциональность детства – «многообразие миров современного детства». Заявив об ошибочности оснований возрастной типизации и отсутствии возрастных универсалий, новая идея черпала основания в неких этногеографических и историко-географических исследованиях детства (Арьес) [9], доказывающих кардинальные различия образов детства в разных этносах и культурах. Незрелость детей не интерпретируется сторонниками данного подхода как «биологический факт». А необходимость пересмотра отношения к статусу детства объясняется культурной трансформацией общества. Денатурализация возраста и «обновление периодизации детства», например, на основе потребительского опыта представляется им адекватной коммуникационному опыту детей, цифровизации и виртуализации их жизни.

Между тем кризис современного периода развития паттерна детства не остаётся незамеченным исследователями. Б.Д. Эльконин отмечает потерю «событийности взрослой жизни», её разорванность и фрагментарность, когда власть взрослого становится формальной и вырождается в агрессию. Лишение взрослого регулятивных возможностей и функций «культурного фильтра» связывается с социокультурной динамикой, в том числе либерализацией сексуальной морали, порождающей общедоступность сугубо взрослых тем, а «подавление» детской сексуальности провозглашается препятствием для полноценного развития личности.

Защита детей от вредной информации VS информационных свобод

Феномен информационной безопасности детей основывается на теоретико-методологическом фундаменте возрастной периодизации развития, нормативности популяционного стандарта возрастного развития, то есть на естественной феноменальности детства. Случаи отклонения от популяционного стандарта развития у разных представителей этнотерриториальных групп не могут служить основанием дискредитации представлений о детстве как охраняемой социальной группе, нуждающейся в ограничительном и направляющем руководстве взрослого сообщества. Наблюдаемый кризис атрибутивной составляющей «мира детей» и «мира взрослых» доказывает дискриминационный характер ограничений информационных прав и свобод детей. Уравнивание информационных прав детей и взрослых достигается только через сокращения права детей на защиту от информации, права на благоприятную информационную среду. Денатурация возраста противоречит факту «биологической разницы между взрослым и ребёнком» [10, с. 57], парадигмальным основаниям педагогики и в целом политике обеспечения информационной безопасности детей. Иерархичность связей и отношений,

разделение функций между взрослыми и детьми, их устойчивость и адекватность демонстрирует уровень и стабильность культуры.

Утрата ориентирующих функции взрослого означает поражение закона и нормы перед «архаическим инстинктивным импульсом, явленным в чистом виде у ребенка». Снятие с себя взрослым бремени ответственности и принятие равенства, самостоятельности и компетентности ребёнка означает освобождение не ребёнка, а освобождение взрослого от обязанностей по отношению к ребёнку. В феномене «новых взрослых», «взрослых детей» – *«kidult»* А. Калькут усматривает «тенденцию современного общества в нежелании стареть и умирать», «бессознательное стремление остановить время и череду поколений», «принять на себя два лика – “взрослого” и “ребенка” и, тем самым, обрести бессмертие, лишив детство его, учрежденной историей, роли» [11, с. 230]. Важнейшей прерогативой и обязанностью взрослого является «осуществление контролирующего, регулирующего воздействия с целью репрессировать, подавлять некоторые желания ребенка до момента, когда он сможет это делать самостоятельно» [12]. Эта прерогатива взрослого связана с невозможностью ребёнка самостоятельно справиться с «обуреваемыми его инстинктами и импульсами, характерными для «психической организации начала человеческой жизни». Именно взрослый ответственен за «овладение ребёнком самого себя» через представление закона и нормы, а ребёнок нуждается в идеале и авторитете, «образе сильного и всемогущего». «Эта ситуация ведущего... и ведомого... определяет наличие дистанции, несовпадения младшего и старшего, поколения отцов и детей» [13]. Ревизия представлений о норме и идеале нивелирует «импульс движения к идеальному», «освобождает» детство от опеки взрослых и «сочувствия» к своим «уязвимостям». Правовое и политическое равенство детей и взрослых на основе неких утверждаемых «парадоксов детства» и возросшей компетентности детей в цифровой среде отвергает естественную (биологическую) феноменальность детства в пользу культурного конструкта. Сохранение границ детства содействует социальному консенсусу в отношении оснований и целей обеспечения информационной безопасности детей.

Кроме того, существует мнение, что «дети – единственная категория населения, не имеющая социальных статусов и социальных ролей» в связи с отсутствием экономической самостоятельности, при том что освоение ими социального мира, характеризуется как игровое, дети «примеряют» роли, «играют» в статусы, но имеют их. Иными словами, придание детской группе социальной статусности и автономности не имеет логики и демонстрирует искусственность.

Концепция социализации основывается на категории социального порядка как порядка поколе-

ний и предполагает дисциплинирующие действия и в отношении взрослых – родителей, в направлении от взрослого к ребенку и, наоборот, от ребенка к взрослому. Уравнивание прав ребенка и взрослого не может быть представлено через уменьшение объема прав у взрослого и передачу их ребенку, как от сильнейшего в пользу слабейшего. В данном случае дети не приобретают права, но теряют заботу о себе, поскольку невозможно противопоставить взрослому и ребенка, как богатого и бедного. Эмансипация ребенка не влечёт ущемления прав взрослого, но ущемляет интересы самих детей, которые лишаются ответственных за них взрослых. Противопоставление прав ребенка, как угнетаемого родительской властью, интересам взрослого, утверждение возможностей ребенка как автономного рационального сознательного агента и участника политических решений противоречит закономерностям природных различий и возрастной физиологии, *положенной в основу механизма государственной защиты разных возрастных категорий*. Образ детства не является только «продуктом исторического развития», а категория «ребенок» не есть лишь культурно-историческая условность.

Таким образом, традиционная проблематика детства в социологии понимается в рамках концепции социального порядка и социализации. Путь установления и сохранения социального порядка в этом смысле можно представить как онтологическое движение от инстинкта к культуре, процесс превращения дикости и варварства в субъектность для социального действия. Наблюдаемые аномалии в информационно-коммуникативном пространстве создают условия для постоянной модификации угроз детской группе и указывают на технологии социальной защиты детей. Традиционные для российского общества представления о детях как объекте всесторонней заботы и на индивидуальном, и на государственном уровне есть основания реализации мер обеспечения защиты детей, включая необходимые ограничения их информационных свобод при потреблении и при распространении информации. Поддержание представлений о детстве как о «приоритете государственной политики», в настоящий момент конституционно закреплённом, соответствует целям национальной безопасности.

Литература:

1. Холостова Е.И. Социальная работа: учеб. пособие. – М.: Дашков и К°, 2007. – 668 с.
2. Ковалев В.Н. Социология управления социальной сферой: учеб. пособие. – М.: Акад. Проект, 2003. – 236 с.
3. Владимирова Т.В. Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества: дис. ... док. филос. наук. – Красноярск, 2016. – 300 с.
4. Замараева З.П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России: автореф. дис. ... док. соц. наук. – М., 2007. – 44 с.
5. Кулешова Г.П. Региональная система социальной защиты населения в современном российском обществе: автореф. дис. ... док. соц. наук. – Саранск, 2005. – 57 с.
6. Arendt H. Vita active. Oder vom tatigen Leben. – Stuttgart, 1960. – 243p.
7. Властовский В.Г. Акцелерация роста и развития детей (эпохальная и внутригрупповая). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 279 с.
8. Павловский О.М. Биологический возраст человека. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 278 с.
9. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.
10. Дуденкова И.В. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. – 2014. – № 3. – С. 47-59.
11. Calcutt A. Pop Culture and the Erosion of Adulthood. Published by Cassell. – London, 1998. – 288 p.
12. Улыбина Е.В. Страх и смерть желания. – М.: Модерн-А; СПб.: Акад. исслед. культуры, 2003. – 320 с.
13. Parsons T. The Social System. – New York: Free Press, 1951. – 600 p.

The Pattern of Childhood as a Guideline for Protecting Children from Harmful Information

Polyanina A.K.

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Samara State University of Railways*

The article is devoted to the study of the importance of the pattern of childhood in ensuring the information security of children. The author describes the nature of children's information security and its management through the concept of social order and socialization theory. As the most important category defining the guidelines for the social protection of childhood and the protection of children from harmful information, in particular, the pattern of childhood that has developed in society is taken. The genesis of ideas about childhood as a special social group is investigated. The destructive effect of information anomalies in the information and communication space of the child is indicated. The constant modification of threats associated with the intensification of the broadcast of deviant standards and behaviors is mediated by the commercialization of the media industry

Key words: information security of children, prohibited information, information policy, pattern of childhood, national security

